

вой супругой» (XIX, 298). Казалось-бы, что первая стопа дактилическая. Однако, разчленивъ весь стихъ на стопы, узнаемъ, что слѣдуетъ первое слово читать съ двумя удареніями. Такія-же неожиданности могутъ встрѣчаться и въ серединѣ стиха, и все это крайне затрудняетъ чтеніе, особенно въ первый разъ.

Вотъ почему Жуковскій, совершенствуя русскій гекзаметръ, употреблялъ смѣшанные стихи только въ видѣ исключенія. На 11.983 простыхъ гекзаметра насчитывается въ Одиссеѣ только 123 стиха съ хорееми.

Первоначально я сталъ переводить смѣшаннымъ гекзаметромъ, но, убѣдившись послѣ нѣсколькихъ пѣсенъ въ произвольности такого размѣра, передѣлалъ написанное и сталъ держаться правильного гекзаметра, причемъ въ первыхъ пѣсняхъ осталось нѣсколько стиховъ съ хореемъ въ начальной стопѣ. Въ остальныхъ пѣсняхъ я употребляю хорей только въ одномъ случаѣ, именно послѣ мужской цезуры въ третьей стопѣ (*τομὴ πενθήμερῇ*), такъ какъ необходимая остановка голоса въ этомъ мѣстѣ даетъ возможность соблюсти ритмъ и въ русскомъ гекзаметрѣ, какъ въ греческомъ. Но при полномъ гекзаметрѣ порою оказывалось необходимымъ вводить лишнее слово въ стихъ противъ оригинала. Въ подобныхъ случаяхъ я употреблялъ слова безразличныя, обычные въ Иліадѣ эпитеты, нигдѣ не дополняя и не украшая Гомера, что такъ часто дѣлалъ Жуковскій.

Таковы стилистическіе и метрическіе недостатки стиха Гнѣдича, которые, по моему мнѣнію, дѣлали желательнымъ новый переводъ Иліады. Но переводъ Гнѣдича, главнымъ образомъ, устарѣлъ въ смыслѣ пониманія самого духа Иліады. Плавность и связность гомеровской рѣчи не вездѣ сохранены у Гнѣдича, описанія сдѣланы въ приподнятомъ томѣ, въ разговоры иногда введена декламація или слащавость, строгая закругленность линій исчезла. «Сладко любезный родитель и нѣжная мать улыбнулись», — у Гомера слово «сладко» отсутствуетъ. «Супругъ *умилился душевно, обнялъ ее и, рукою ласкающій, такъ говорилъ ей*», — у Гомера вмѣсто «умилился душевно» сказано: «пожалѣлъ, глядя на нее» (*ἐλέησε τοῖσας*), а слова «обнялъ» совсѣмъ нѣтъ. Примѣры-же излишней торжественности можно найти у Гнѣдича на любой страницѣ. У него гомеровскіе герои объясняются такимъ языкомъ, какъ будто они самимъ себѣ казались древними и величавыми. Гнѣдичъ въ предисловіи къ своему переводу говоритъ о простотѣ и силѣ Иліады, удивляется ея красотамъ, но ему кажется, что «ошибаются тѣ, кто поэмы Гомера принимаетъ въ по-